

Два основных качества определяют интеллигентность интеллигента: европейская (именно европейская) образованность и интеллектуальная свобода.

Почему, спросите вы, «европейская» и разве не всякая образованность может определить принадлежность человека к интеллигенции? Конечно, всякая... Но у европейской культуры есть одна особая черта: она опирается на знания других культур - одновременных ей и ранее существующих. Она основана прежде всего на прочном усвоении древних культур Ближнего Востока, Египта и средиземноморской Античности. Именно эти три культуры легли в основу христианства. Христианство, несмотря на все свои отдельные отклонения, объявило религию вненациональной, наднациональной. «Несть эллина и иудея». Отсюда - терпимость европейской культуры к другим культурам и способность к их творческому усвоению. Университеты Европы - это прежде всего огромнейшие хранители и «усвоители» других культур, где эти культуры переосмысливались как «свои», нужные, целебные и питающие.

«Всечеловечность» русского человека, о которой так замечательно писал и говорил Достоевский, на самом деле является чертой любого истинного европейца. Стремление изучить, усвоить, соединить в своих библиотеках, рукописных хранилищах, музеях и пропагандировать (вернее - осваивать) культуры всех народов мира - это главное в культуре Европы. И в этом отношении русская образованность ничем существенным не отличается по своей сути от образованности любого европейца. Во всяком случае «Евразии» в русском образовании было не больше, чем в образовании любого европейца. И при всем том Российская Академия наук была главным образом Академией востоковедения и африканистики. Однако подход к этим культурам был выработан на основе филологии западного типа. Если мы посмотрим на список русских академиков востоковедов за все время существования Академии, то убедимся, что, по крайней мере, половину их составляют немцы, «русские немцы», т.е. те, которые родились в России и считали себя (не на словах только) подданными России. И это тоже о чем-то свидетельствует.

Итак, первая черта интеллигента - европейская образованность. Переходим ко второй черте - интеллектуальной свободе. Именно она отличает интеллигента просто от «образованца» (удачный термин А.И. Солженицына). Образованный человек может продавать свои знания, работать на злодейское государство, партию, узко понятую национальность. Одним словом «образованец» может быть несвободным, зафрахтованным человеком. Когда приписывают интеллигенции убийство Александра Второго - «царя Освободителя» или относят к интеллигентам различных людей, может быть, и умственно одаренных, но дисциплинированно выполняющих приказы какой-либо партии, более или менее властной и тираничной, это глубочайшая ошибка. Рабство всегда было чуждо интеллигенции, и если даже человек, прежде свободный, решается продать свою свободу какой-либо организации, стать ее интеллектуальным рабом (это не касается тех образованных людей, которые, работая за плату, не лишают себя свободы выбора), он перестает быть интеллигентом.

Казалось бы, Достоевский со всею ясностью показал в «Бесах», во что превращается человек, продавший свою интеллектуальную свободу и действующий по указаниям из «центра», который к тому же оказывается мнимым.

Единственный персонаж «Бесов», который, казалось бы, не утрачивает своей независимости, Ставрогин (фамилия его сама как бы указывает на его

независимость: вспомним о ставропигиальных, т.е. независимых от местных иерархов, монастырях) и тот оказывается в плену у Верховенского и его заговора и с утратой независимости после совершенного преступления (или нескольких преступлений) кончает жизнь самоубийством.

Что же удерживает интеллигенцию в пределах интеллектуальной личной свободы? Ведь если интеллигент не подчиняется внешним воздействиям, то не означает ли это, что он оказывается без руля и ветрил? И что может объединить людей, не зависящих от внешних причин, не подчиняющихся навязанным им условиям? Не означает ли интеллектуальная свобода обреченности интеллигентов на полное одиночество?

Неподчиненность интеллигента внешним воздействиям, партийным установкам, государственным интересам или агрессивным идеологиям вовсе не означает слабости, а, напротив, свидетельствует о силе интеллигента, его способности сопротивляться, отстаивать свою честь, порядочность, завоевывать репутацию и быть, самое главное, **личностью**. Сила эта не в нем самом-совести. Совесть может объединить его с другими людьми совести, ибо совесть по большей части выступает с одинаковыми внутренними требованиями к человеку и охраняет его свободу. Если человек подчиняется совести, то это означает, что в нем достаточно силы противостоять внешним требованиям, которые в той или иной степени могут его закрепостить. Враг совести- чувство, объединяющие людей в стадо - стадность. Интеллигенты, примыкающие к стаду, губят в себе интеллигентность, и их образование становится бесполезным- бесполезными прежде всего для них самих, как личностей. Обратим внимание, что европейская культура- личностная культура.

Что в русской интеллигентности национально русское? Думаю, что это тяга к интеллектуальной свободе и независимости, прежде всего, от государства. Еще до появления интеллигенции как некоей более или менее спаянной своим стремлением к интеллектуальной свободе группе народа, стремление к независимости от государства заставляло людей уходить в казачество навстречу исконно враждебным земледельческим народам степнякам, а с XVI века - в Сибирь открывать и осваивать все новые и новые места. Уходить на север, к Студеному морю, жить по своей воле в суровых условиях русского севера. А затем старообрядчество! Снова уходить в леса, стремление не поступиться совестью вплоть до самосожжения. Самосожжения, но не вооруженного бунта. Не напоминают ли эти самосожжения, казалось бы, бессмысленного стояния декабристов на Сенатской площади? Люди не подчинились, но не шли штурмом брать Зимний дворец, кстати сказать, самый незащищенный дворец монархов в Европе.

Декабристское стояние на площади впервые обнаружило у нас наличие сильной группы интеллигенции. Сильной не грубой силой, а своим высоким нравственным уровнем, позволившем ей считаться с собственными сословными и профессиональными интересами.

Это пренебрежение к собственным интересам и высокий нравственный дух сыграли с русской интеллигенцией недобрую шутку. Интеллигенция слишком много и слишком искренне говорила о своей вине перед народом, и народ поверил в вину интеллигенции. Оторвавшиеся от крестьянства слои так и стали считать, что перед ними виноваты и с интеллигенции, гнилой и болтливой, «приходится». В результате - революция, а, вернее, бунт против людей образованных, совестливых, беззащитных, не имевших опоры.

Террор выбитых из нормальной структуры общества людей (помогла первая мировая война) против интеллигенции началась сразу же после Октябрьского переворота. Ужасаясь террором 1936-1939 годов, люди забывают, что тогда было истреблено гораздо меньше людей, чем в предшествующие годы. Воображение масс поразило то, что партийцы стали убивать и даже с маскарадной судебной помпой своих же партийных. Тогда же, когда истребляли интеллигенцию-это считалось как бы и естественным: сами же признавались в своей вине перед народом...

Подвергавшаяся пыткам моральным и физическим интеллигенция, а вместе с ней и духовенство (та его наибольшая часть, которая держалась крепкой верой) вели себя на редкость достойно. Сколько было принято героизма, сколько было мучеников в невидимых обществу «каторжных норах». Но кто об этом знает? Документы составлялись только на признания, на подтверждение следовательской концепции того или иного «дела». Все, что не подтверждало заранее разработанный следователем сценарий «преступления», все это не сохранялось или даже просто не записывалось.

Сейчас, когда начинают публиковаться различные «дела» из архивов интеллигенция снова идет на распятие. На распятие идет уже мертвая интеллигенция, бессильная себя защитить. Мой долг, как «свидетеля века», защитить ее, хотя бы в своих воспоминаниях. Но что знаю я? Мой круг воспоминаний слишком узок и слишком зыбок против волны тенденциозно составленных документов. Но кто-то должен все же противопоставить правду следовательской точке зрения. И это тем более страшно, что толпа склонна верить прежде всего дурному и скандальному, чем благородному и обычному. А обычным в годы ленинско-сталинских репрессий было именно сопротивление.

И я свидетельствую: интеллигенция в основном с честью выдержала все тяжелые испытания XX века.